

ЮБИЛЕЙ

***ДОКТОРУ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ
ЛЕОНИДУ ГЕНРИХОВИЧУ ФРИЗМАНУ – 80***

***ДОКТОРУ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ
ЛЕОНИДУ ГЕНРИХОВИЧУ ФРИЗМАНУ – 80***

УДК 82.0(821.161.1) «18/19»

Т. И. Тверитинова

НАУКА И ЖИЗНЬ Л. Г. ФРИЗМАНА

Имя доктора филологических наук, профессора Леонида Генриховича Фризмана хорошо известно не только в Украине, но и далеко за ее пределами в ближнем и дальнем зарубежье. По выражению ученого, в его «послужном списке» 47 книг и около 550 статей, среди которых монографии, адресованные узкому кругу специалистов, учебные пособия, популярные сборники и исследования, публицистические статьи.

Л. Г. Фризман – выпускник двух харьковских вузов: педагогического института (русское отделение филологического факультета, 1957 г.) и университета (романо-германское отделение факультета иностранных языков, 1963 г.). Родился и всю жизнь прожил в Харькове, городе с высоким уровнем научной и культурной жизни. Однако путь в науку у Леонида

© Т.И. Тверитинова, 2015

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.33577>

Генриховича оказался непростым и нелегким. Несколько раз в его жизни возникала проблема выбора пути: «просторного и торного», на котором без особых усилий можно было достичь результатов, и другого, «честного и тесного», где при всех невзгодах и испытаниях можно было сохранить главное: оставаться самим собой. Еще в студенчестве, увлекшись поэзией В. В. Маяковского и написав за годы учебы черновой вариант вполне готовой кандидатской диссертации, он неожиданно для многих отказался от ее завершения, так как осознание перспективы «быть специалистом по советской литературе» у него ассоциировалось «не с честными и подлинными исследованиями, а с приспособлением к последним партийно-советским директивам» [5, с. 9]. Между тем перспектива «специалиста по советской литературе» предполагала и скорую и успешную защиту, и преподавание в высшей школе.

Так сложилась его судьба, что обе диссертации он написал без аспирантуры и докторантуры и, соответственно, без научного руководителя. Однако, как считает ученый, он «имел намного более важное и ценное: круг научного общения» [5, с. 9], состоящий из лучших харьковских литературоведов: М. О. Габель, М. В. Чернякова, И. Я. Каганова, А. М. Финкеля. Именно при общении с М. О. Габель он и услышал судьбоносное для себя имя Е. А. Баратынского, поэта, известного тогда лишь узкому кругу специалистов. И только благодаря многолетним исследованиям Л. Г. Фризмана поэт обрел заслуженное место среди писателей пушкинского окружения.

Основательность, с которой Леонид Генрихович приступил к новой теме «Творчество Баратынского», может быть примером для многих современных молодых ученых. Им была составлена детальная библиография, исследованы имеющиеся издания, составлен словарь поэтического языка Баратынского. «Понятно, – вспоминал ученый, – что можно было написать диссертацию, не потратив год на составление словаря. Но я его составил» [5, с. 17]. Глава диссертации, посвященная историографии творчества Баратынского, в конечном итоге насчитывала 115 страниц. Позже, в частной переписке, академик Д. С. Лихачев будет наставлять: «Вас никогда не будут считать серьезным ученым, если Вы не будете находить и публиковать рукописи» [5, с. 45]. Л. Г. Фризман же в архивах работал с 1958 года.

Ведя исследование «широким фронтом», он интересовался всеми подробностями общественной и политической жизни России периода 1820 – 1840-х гг., обращаясь за разъяснениями к известным историкам и филологам. С самого начала его исследований установились личные контакты с директором Мурановского музея в подмосковной усадьбе Баратынского, старшим научным сотрудником ИМЛИ К. В. Пигаревым. Все годы работы над диссертацией Л. Г. Фризман активно общался с известными ленинградскими и московскими литературоведами. Так, после доклада «Пушкин и польское восстание 1830 – 1831 гг.» на расширенном заседании группы пушкиноведения в ИРЛИ (1963 г.) его заметил и поддержал профессор Б. С. Мейлах, пригласивший на Пушкинскую конференцию в Псков, где молодой исследователь познакомился с известными учеными, ставшими друзьями и надежными спутниками на долгие годы: Е. А. Майминым, Л. Я. Гинзбург, Г. М. Фридендером, Н. Л. Степановым, Ю. М. Лотманом, З. Г. Минц, А. В. Чичериным. Позже этот круг значительно расширится: академик Д. С. Лихачев, член-корреспондент АН СССР Д. Д. Благой, профессора Е. Г. Эткинд, А. А. Аникст, С. А. Рейсер, Б. Н. Двинянинов, В. Я. Лакшин, А. Л. Гришунин, Г. Хетсо и многие другие, увидевшие и оценившие в скромном школьном учителе эрудированность, оригинальное мышление и высокое стремление духа.

В 1967 году была защищена кандидатская диссертация Л. Г. Фризмана «Общественные и литературные позиции Е. А. Баратынского» на основе изданной годом ранее монографии «Творческий путь Баратынского». Молодой ученый на основании опубликованных и архивных материалов предложил новую концепцию творческого пути поэта как выразителя взглядов поколения «лишних людей» 1830-х гг. Это подтверждалось и жизнью Баратынского (ранняя отставка как стремление сохранить личную независимость), и его творчеством как «поэтическим осмыслением своего ухода от деятельности», по сути – «лирической исповедью первого поколения “лишних людей”» [1, с. 70].

Концепция Л. Г. Фризмана нашла поддержку в научных кругах отечественного и зарубежного литературоведения. Не ограничившись диссертацией, ученый продолжил исследования творчества Баратынского: «Проблемы текстологии Баратынского», «В. Я. Брюсов – исследователь Е. А. Баратынского», «Баратынский за рубежом», «Прозаические переводы Баратынского», «К характеристике элегической поэзии Баратынского». Были подготовлены

«Стихотворения и поэмы», вышедшие в серии «Литературные памятники» (1982) и полное собрание стихотворений в большой серии «Библиотека поэта» (2000).

В ходе исследований Л. Г. Фризман обратился к изучению литературно-общественного движения в России первой трети XIX века, творчества писателей, тем, идей – всего, что было связано с орбитой Баратынского.

Целый ряд работ был посвящен поэтам-декабристам, исследованию влияния их творчества на литературное движение своего времени. Небольшая книга «Поэзия декабристов» (1974) дала начало новым темам и научным сюжетам: литературно-критические работы К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера, В. Ф. Раевского, А. А. Бестужева, А. И. Одоевского, Ф. Н. Глинки, творческие контакты А. С. Пушкина и декабристов. Л. Г. Фризманом были изданы и прокомментированы «Думы» К. Ф. Рылеева и в том числе найденная им в архиве дума «Видение Анны Иоанновны». Были изданы «Литературно-критические работы декабристов» и среди них – найденная статья А. А. Бестужева «Мысли и заметки». Впервые были переизданы и прокомментированы критико-эстетические труды П. А. Катенина. Наконец, была опубликована основательная монография «Декабристы и русская литература» (1988), в которой рассматривался феномен декабризма и его влияние на литературу дооктябрьского периода.

Анализ поэзии Баратынского привел Л. Г. Фризмана к жанру элегии, в то время еще мало исследованному в литературоведении в теоретическом плане: не было представления об истории этого жанра, периодах его развития, представителях в эпоху романтизма, необходимо было выяснить и ввести в оборот новые имена, многочисленные произведения. «Кому же, как не Вам», – напутствовал в свое время молодого ученого профессор Е. Г. Эткинд [5, с. 92]. Так первичный замысел постепенно реализовался в окончательный вариант «Русская элегия в эпоху романтизма» – докторскую диссертацию, защищенную в 1977 г. По мнению В. И. Коровина, ученому «удалось решить наиболее важный вопрос – почему в начале XIX века элегия с периферии литературы передвинулась в центр литературного развития» [4, с. 14]. Л. Г. Фризман, сопоставив элегию А. В. Сумарокова как представителя XVIII в. и элегию В. А. Жуковского, пришел к заключению, что именно романтическое осмысление таких понятий, как смерть, разлука, гибель всего прекрасного как «закономерного земного удела» позволило дать элегии благотворную почву для развития. С эпохой романтизма, его мировосприятием и оппозиционной настроенностью к рационализму просветительства были связаны периоды развития и причины упадка этого жанра. Кроме элегий А. В. Сумарокова и В. А. Жуковского автор рассматривал малоизвестные произведения К. Н. Батюшкова, В. Ф. Раевского, философские элегии А. И. Одоевского, Е. А. Баратынского, пародии на этот жанр (А. С. Пушкин, Мотыльков, Н. М. Языков, Н. А. Добролюбов), поэзию М. Ю. Лермонтова, создавшего наиболее совершенные образцы русской элегии, Н. А. Некрасова. Г. М. Фридендер, познакомившись с анализом элегий Некрасова, написал автору, что это «почти классика», выдвинувшая его «в первые ряды наших литературоведов» [5, с. 103], а М. Л. Гаспаров позже будет аттестовать Л. Г. Фризмана как главного специалиста по русской элегии.

Одно из известных выражений Леонида Генриховича – «не стоит оставаться исследователем одной темы» – в полной мере применимо к нему самому. Круг его научных интересов впечатляет своим масштабом и разносторонностью: А. С. Пушкин, его эпоха и литературное окружение, поэзия декабристов, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, проблемы русского романтизма, журналистика 1820 – 1840-х гг., русский исторический роман XIX века, М. А. Максимович, Д. С. Мережковский, А. Т. Твардовский, Д. С. Самойлов, А. А. Галич, Б. Ш. Окуджава, Ю. Ч. Ким, Б. А. Чичибабин, исследования о С. А. Рейсере и других литературоведах. Статьи о жизни и творчестве русских поэтов первой половины XIX века были представлены в «Краткой литературной энциклопедии», «Большой советской энциклопедии», «Лермонтовской энциклопедии», в антологии «Русские поэты» в двух томах, в библиографическом словаре «Русские писатели» в двух томах и в двух изданиях, в «Школьном энциклопедическом словаре». Среди известных книг ученого необходимо назвать «Семинарий по Пушкину» (1995), «Пушкин и русская журналистика» (в соавторстве с Т. И. Тищенко, 1999), «М. А. Максимович – литератор» (в соавторстве с С. Н. Лахно, 2003), «Добрый Дельвиг» (в соавторстве с Е. Е. Жуковой, 2008), «Борис Чичибабин в стихах и прозе» (соподготовитель – Л. С. Карась-Чичибабина, 2013), «Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе» (2015).

Говоря о литературоведческих работах Леонида Генриховича, следует отметить строгую историчность, фактографичность (как результат кропотливых архивных разысканий), четкую

систематизацию материала, постановку и решение теоретических проблем, сопровождающихся глубоким и аргументированным анализом творчества писателя.

Был период, когда Л. Г. Фризман увлекся стилистикой немецкого языка и целый ряд работ посвятил исследованию языка произведений К. Маркса и Ф. Энгельса («Образ в языке “Манифеста Коммунистической партии”», «О стиле книги Ф. Энгельса “Положение рабочего класса в Англии”» и др.) на русском и немецком языке. Его исследования привлекли внимание в ГДР директора института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ Г. Гемкова, в секторе Маркса и Энгельса аналогичного института в Москве. Появилась перспектива стать уникальным специалистом в этой области и переехать в столицу. Но Л. Г. Фризман остался верным своим жизненным приоритетам, русистике, которую называл своей «родиной».

Вспоминая о своей жизни в науке, ученый отмечает в себе качество, заложенное еще в ранней юности: «последовательный и принципиальный нонконформизм» [5, с. 6]. Это и определило гражданскую позицию ученого, сотрудничавшего в «Новом мире», его политическую публицистику 1960-х годов, в которой он отстаивал позиции демократии и гуманизма. Подписываясь псевдонимами, прибегая к «эзопову языку», он безошибочно рассчитывал на понимание широкой аудитории нашей «самой читающей между строк страны». В «Судьбах русской газеты первой половины XIX века» (1970) автор, казалось, сетовал на тенденциозность подбора материала и противодействие цензуры, а читатель понимал, что речь шла о современной литературе и журналистике с ее наболевшими проблемами. В статье «Под личиной социализма» (1970) в критике китайского руководства прослеживались аналогии с подобными эксцессами советского строя. Статья «Походы бесславные и бесполезные» (1970), на первый взгляд, представляла рецензию на книгу Е. Черняка «Жандармы истории», посвященную контрреволюционным интервенциям, однако слишком прозрачной в ней была «чехословацкая тема», т. е. вторжение войск Варшавского договора в Чехословакию. Позднее Л. Г. Фризман еще раз вернется к этой теме в статье «21 августа 1968 года как дата советской истории» (1993), «принадлежащей к самым глубоким и успешным попыткам анализа произошедших тогда трагических событий» [4, с. 17].

После 1991 года публицистика ученого была направлена на осмысление исторической ситуации, на защиту науки и культуры, за равноправие наций и языков. «Слушая Лондон...», «Воспоминания о Советском Союзе», «Железный занавес образца 94-го», «Чему учит история», «Свобода быть просто самим собой» – эти и другие статьи вошли в сборник его публицистики «Эти семь лет» (2000). Размышляя о современной жизни, Леонид Генрихович обращается к глубинной сути явлений, к внутреннему их содержанию. Его публицистика приглашает к совместному размышлению, анализу современной жизни. Его, казалось бы, риторические вопросы эхом откликаются в душе каждого, кому небезразлична судьба родины. «Если допустим гибель нашего культурного и научно-технического потенциала, чем завтра жить будем?» [3, с. 30]. Или: «У каждого человека есть язык, на котором он видит сны. И если этот человек живет в демократическом обществе, он должен иметь никем не ограничиваемые возможности пользоваться этим языком: читать, говорить, выступать на собраниях и заседаниях любого уровня, обращаться с письмами и заявлениями в любое учреждение» [3, с. 47]. Ученый по праву считается демократом, смело и независимо отстаивая уважение и права каждой личности.

Политическая публицистика – это органическая часть личности ученого. В связи с этим Леонид Генрихович вспоминает, как на замечание его собеседника о чудачествах Льва Толстого, тратившего свое бесценное время на обучение грамоте крестьянских детей вместо того, чтобы написать еще одну «Анну Каренину», он ответил: «Если бы Толстой не был человеком, способным тратить свое время на обучение крестьянских детей, он не написал бы «Анну Каренину».

С 1965 года Л. Г. Фризман преподавал в Харьковском национальном педагогическом университете, откуда ушел в 2013 г. после 48 лет педагогической деятельности. Как известного ученого и опытного преподавателя его приглашали читать лекции университеты Франции, Италии, Германии, Швейцарии, Польши, Израиля и других стран.

За этот период под его руководством были защищены 4 докторские и 60 кандидатских диссертаций. Его бывшие аспиранты и докторанты преподают в различных украинских вузах, оставаясь, как и их Учитель, верными служению Литературе.

В 2008 году профессор Л. Г. Фризман опубликовал книгу «Это было жизнь тому назад», в основу которой положена почти полувековая переписка ученого с известными советскими и зарубежными литературоведами, общение с которыми стало частью научной биографии автора.

География адресатов впечатляет своей масштабностью: Харьков, Львов, Москва, Ленинград, Тарту, Мураново, Псков, Тамбов, Кишинев, Осло, Вроцлав, Берлин, Швейцария, Америка, Израиль. На первый взгляд, книга представляет собой образец мемуарной литературы, где автор последовательно и неторопливо рассказывает о себе и о своем тернистом пути в науку, о творческих и дружеских контактах с другими учеными, голос которых «звучит» со страниц их писем. Стремление автора оставаться в тени, предоставляя возможность говорить другим, все же позволяет нам сформировать свое представление о нем как человеке целеустремленном, настойчивом, трудолюбивом и верном в своем подвижничестве по отношению к науке. Л. Г. Фризман принадлежит к таким людям, в которых ум сочетается с мудростью, невозмутимость – с уважением к личности, а работоспособность и повышенная требовательность к себе всегда будут служить примером для его учеников.

24 сентября 2015 года Леонид Генрихович Фризман отметил свое 80-летие. В честь его юбилея вышел международный сборник статей видных литературоведов из девяти стран, что свидетельствует о научном авторитете и широкой известности ученого. В честь юбиляра авторы предлагают свои исследования в его творческой манере: сочетание мастерства филологического анализа с простотой и ясностью изложения, что значительно расширяет не только научную, но и читательскую аудиторию.

Такова наука в жизни и жизнь в науке Леонида Генриховича Фризмана. «Другой, – пишет он, – не было» [5, с. 334].

ЛИТЕРАТУРА

1. Фризман Л. Г. Творческий путь Баратынского / Л. Г. Фризман. – М.: Наука, 1966. – 142 с.
2. Фризман Л. Г. Жизнь лирического жанра. Русская элегия от Сумарокова до Некрасова / Л. Г. Фризман. – М.: Наука, 1973. – 168 с.
3. Фризман Л. Г. Эти семь лет. Публицистические этюды / Л. Г. Фризман. – Харьков, 2000. – 74 с.
4. Коровин В. И. «Писать Вы можете...» / В. И. Коровин // Л. Г. Фризман. Предварительные итоги. Сб. избр. статей к 70-летию Л. Г. Фризмана. – Харьков: Новое слово, 2005. – С. 3 – 20.
5. Фризман Л. Г. Это было жизнь тому назад... Над страницами полученных писем: Художественное издание. – Харьков: Новое слово, 2008. – 340 с.

(Статья поступила в редакцию 16 октября 2015 г.)

